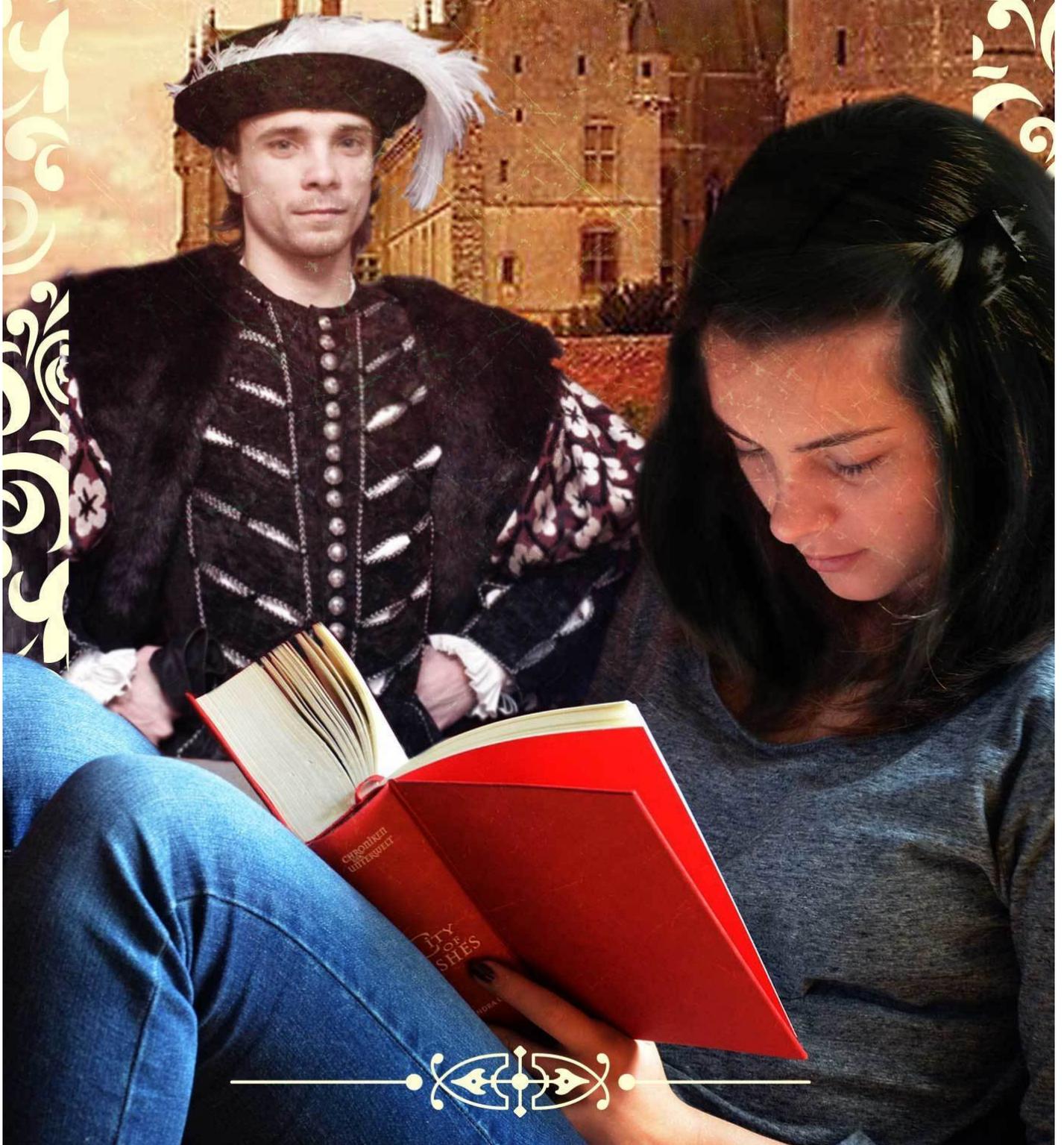

СВЕТЛАНА
ДЕНИЖЕНКО

МОЙ ГРАФ ДЕ БЮССИ

Светлана Дениженко
Мой граф де Бюсси

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Дениженко С.

Мой граф де Бюсси / С. Дениженко — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Хотелось ли вам хоть один раз в жизни побывать на страницах любимых книг? Вернее, окунуться в мир ваших любимых героев, о чьих судьбах с упоением читаете и за кого переживаете всем сердцем? Хотели бы побродить по тем же улицам, испытать на себе все тяготы или, наоборот, прелести выдуманного писателем мира? Что если эта мечта вдруг осуществится самым неожиданным образом? Екатерина Шнуркова, менеджер аналитического отдела крупной компании, самая обычная москвичка, для которой личная жизнь пока не стоит на первом месте, однажды вечером оказывается в совершенно реальном мире давно ушедшего 16 века. Да не где-нибудь, а во Франции! Что ждет её на страницах собственного романа?

© Дениженко С.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Светлана Дениженко МОЙ ГРАФ ДЕ БЮССИ

Вечер тихо шептал мелодию любви, призывая ночь. На балконе высокого дома стояла стройная темноволосая девушка и смотрела на дремлющий город. Огни зажигались на небе и на земле. Или это вокруг неё были звезды? Прохладный воздух перебирал складки тонкого пеньюара. К девушке медленно вышел из комнаты мужчина и встал рядом, теплыми ладонями дотронулся до её плеч и обнял тонкое, словно хрупкий сосуд, тело возлюбленной.

– Ты должен знать обо мне всё, – прошептала она, освобождаясь из объятий любимого.

– Всё? – так же тихо спросил он. – Я уже знаю немало...

– Этого недостаточно. Я не хочу, чтобы между нами стояло прошлое...

Глава 1

То, что понедельник – не самый лучший день в жизни и так понятно, но чтобы настолько...

Офис, вернее один из его кабинетов, замер в ожидании. Коллеги с любопытством и трепетом, надо признаться – не напрасно, уставились на меня, прислушиваясь к происходящему. Я же – Екатерина Шнуркова, младший менеджер отдела аналитики (великовозрастная девица, аж двадцати двух лет отроду), уже минут десять ползала под столами сослуживцев в поиске моего ненаглядного Рокфора.

Надо сказать, он всегда был довольно-таки послушным крысом и спокойно сидел в моей сумке, ни на кого не нападая, если к нему не лезли. Пару раз, правда, кусал воров, посягнувших на мой кошелек, которого у меня никогда не имелось. Деньги я привыкла носить на себе – в брюках, поскольку почти всегда ходила в них. Но карманникам все равно, в какую сумку лезть, а Роки – сторож хоть куда. Во всяком случае, за документы я могла не опасаться. Вряд ли кто осмелится их утащить из-под носа моего крыса.

Брюк у меня – великое множество, но самые популярные из всех – это джинсы и коротенькие летние «полумерки», как я их называю. Штанишки собственного пошива, средней длины, что-то между шортами и обычными шароварами – широкие «завертыши» чуть выше колен. И обязательный в них атрибут – множество явных и потайных кармашков. Брюки я люблю!

Сегодня же, как назло, вырядилась в юбку, впервые за пол-года, поскольку жара стояла невыносимая – 35 градусов в тени. Поэтому на мне красовался светло-бежевый топ, а в дополнение к нему – синяя джинсовая юбчонка (длиной около тридцати сантиметров). И хотя в офис так ходить не положено, и если честно, то для меня очень даже непривычно, но я все списала на жару и решила, что раз в год – можно. Тем более, что моя фигура позволяла носить юбки любой длины.

И все было бы хорошо, не загляни ко мне в сумку, за расческой, Анька, секретарша шефа. У той вечно, то помады нет, то расчески, то еще чего-то важного. Оттого она носится по офису каждое утро не хуже шмеля, выпрашивая, у кого можно позаимствовать на пять минут. Мы все уже привыкли к этой её особенности «растеряшки – Машки» и либо отмахивались, либо давали на время, чтобы только отстала и не ныла своим детским голоском:

– Ну, девочки! Ну, что вам, жалко – что ли?

– Свое надо иметь! – неизменно откликнулась Марья Сергеевна, главный менеджер отдела, – И нечего по офису мотаться! Детский сад на выезде, честное слово!

– А я и имею, только дома забыла... – тянет свою песню Анька, – Щас плакать буду!

И начинает ныть почти по вразправдашнему, только противненько так получается, что тут же хочется, чтобы она замолкла, и лучше – насовсем.

Вот и сегодня:

– Девочки! Я расческу забыла. Есть у кого? Катька, дай причесаться!

И не успела я ей возразить, как она сунула нос в сумку, а там мой зверь. Ощетинился, да как прыгнет к ней.

Анька завопила на весь офис:

– У нее крыса в сумке!

И так как, коллектив у нас женский, все друженько завизжали и быстренько запрыгнули на столы. И вот я вынуждена ползать и искать Роки (это сокращенно и любя), он бедняжка испугался и где-то засел, притаившись. Мои же дамочки отказывались работать, пока зверя не найду и не уберу подальше с глаз.

В такой позе (ползающего младенца) меня и застал наш шеф – Виктор Алексеевич. Мужчина в расцвете лет: разведенный, богатый, высокий брюнет (без пивного животика), с проседью на висках, приятной улыбкой и бесенятами в смешливых глазах. Красавец, жаль не в моем вкусе.

Он взглядом оценил обстановку и усмехнувшись поздоровался, притворив за собой дверь кабинета.

– День добрый, дамочки!

«Дамочки» при виде директора приняли, насколько было возможно, достойный вид, сползли со столов в кресла, но настороженно смотрели под ноги и вокруг.

– Шнуркова, ты что делаешь на полу? – изумился шеф, разглядывая меня с притаившимся в глазах смешком.

– Я... линзы ищу, – пробормотала первое попавшееся на ум.

– А-а-а, – протянул он с пониманием, – не знал, что носишь. Вы бы помогли товарищу по несчастью! – обратился Виктор Алексеевич к окружающим.

– Спасибо, я уже нашла...

– Да, Мария Сергеевна, вы мне отчет с утра обещали. Я жду.

– Хорошо, Виктор Алексеевич! Все готово, сейчас занесу, – засуетилась она и, подхватив нужную папку, с явным облегчением выскользнула в коридор.

Директор, как галантный кавалер, пропустил даму перед собой. И уже на выходе обернулся и бросил мне через плечо:

– Катя, я впервые вижу вас без штанов! Вам очень идет!

Он вышел, а нарастающий смех чуть не убил меня на месте. Девчонки расхохотались так, что к нам заглянул Усачков, наш программист, и с озабоченным видом спросил:

– У вас тут что? Именины?

– Да какие именины! Катьке шеф комплимент отвесил, закачаешься! – повизгивая и похрюкивая, ответила Анька.

Но увидела мой кулак, вспомнила про крыса, и испуганно икнув, поспешила смыться с глаз.

Тут я увидела Рокфора и, подхватив беднягу, наконец поднялась с пола. Посадила моего глупыша в сумку и выскочила в уборную.

Да, так насыщенно у меня еще день не начинался. Теперь эту шутку разнесут по всем отделам офиса, и мне хоть на глаза никому не показывайся. Вот ведь, будто промолчать не мог, юморист несчастный.

Я чуть не разревелась с досады. Итак, моя жизнь сплошное недоразумение, а тут еще шеф, со своими шуточками.

Умылась прохладной водой, охлаждая, расплывшиеся от позора, щеки. Косметикой я почти не пользуюсь, подкрашиваю немного глаза, а губы и так яркие, словно меня в детстве вместо молока малиновым вареньем кормили. Поэтому ни дождя, ни умывания – не боюсь, мой грим не сползет.

– Эх, Роки, дурачок! И как мне теперь людям в глаза смотреть? – я вздохнула и понуро отправилась на рабочее место. Но за весь рабочий день не заметила косых взглядов и смешков за спиной, будто ничего не произошло. Это казалось странным. Все выяснилось, когда после работы ко мне подошел шеф и, взяв нежно за локоток, отвел в сторону.

– Катюша, вы извините меня. Я сегодня с утра «сморозил» нечто лишнее. Хотел сделать вам комплимент, но не вышло. Вы чудно выглядите. Вам очень идут юбки. Пообещайте, что простите старого дурака.

– Ну, что вы... я и не думала, что...

– Не смущайтесь, Катя. Я виноват, но очень надеюсь на прощение. Простите меня?

– Да, конечно.

– Вот и славно, – улыбнулся он. – До завтра!

И пока я успела еще что-то сказать, шеф уже покинул офис своей летящей быстрой походкой.

Конечно, мне приятно было его внимание. Еще бы! Но то, что он извинился, являлось полной неожиданностью. Я улыбнулась и поспешила домой, есть очень хотелось, а мне еще предстояло не только приготовить ужин, но и купить его. Поэтому, первым делом, выбравшись из душного автобуса, мы с Роки поскакали к рынку за продуктами. Накупив всякой всячины и для себя, и для крысеныша, я вдруг натолкнулась взглядом на сухонькую старушку. Та с любопытством рассматривала меня. Мой путь лежал как раз мимо нее, и свернуть между киосками было невозможно. Опустив взгляд под ноги, я постаралась пройти незамеченной. Но вдруг услышала тихий шепоток:

– Доченька, на минуточку... умоляю... Не могу, когда так просят. Повинуясь совести, обернулась и встретилась с её синими огоньками глаз.

– Что вам, бабушка?

– Прости меня, доченька. Я бы никогда... тут, пенсия кончилась, за квартиру сейчас много берут, а мне не хватает.... Я бы не стала, если бы для себя, перетерпела бы, а у меня две кошки и собака, их кормить надо, не выбросишь ведь животинку... – тяжело вздохнула она, вытирая глаза белым платком. Да и сама старушка чистенькая, на попрошайку или пьянчужку не похожа.

– Сколько вам нужно? – спросила я и полезла в сумку за купюрами. Сегодня они у меня по «сумочным» кармашкам в разную затолканы.

– Нет, дочка, мне даром не надо, я не возьму. У меня чеснок вырос на окне – хороший, может, купишь?

– Чеснок? – удивилась я.

Но старушка уже вытащила из старенькой, потертой сумочки белоснежную связку из нескольких чесночных головок.

– Купи, дочка. Он и для здоровья полезный и, может, еще на что сгодится. А вот эту головку, если для мужа готовить будешь, али для любимого, то вкус – незабываемый. Твоему мужчине – точно понравится! – подала она мне чуть синеватый, некрупный, по сравнению с белыми головками, чеснок.

– Спасибо, бабушка, только у меня нет никого...

– Будет, обязательно будет, – пообещала она и отвесила низкий поклон, когда я ей подала несколько сотен, завалившихся в кармашке сумки. Дала бы и больше, только уже потратилась. Много денег с собой не ношу, только так, на еду, да на проезд.

– За твою щедрость Господь тебя наградит! – сказала старушка и потихоньку зашаркала ногами прочь.

Мне бы её остановить, адрес спросить, может, она одинокая. Да, скорее всего так и есть. Я бы помогла ей хоть «звериков» содержать. И, как всегда, подумалось обо всем этом поздно, уже у двери квартиры.

«Ладно, завтра специально на рынок зайду, вдруг еще с ней увидимся. Или, может, её продавцы запомнили. Надо поспрашивать», – решила я и успокоилась.

Пора было принять душ и браться за ужин.

Глава 2

Ужин получился довольно вкусным. Приправа, сдобренная «старушкиным» чесноком, придала жаркому пикантный вкус. Мы с крысом, наевшись, устроились напротив телевизора в моем любимом кресле и от нечего делать решили поискать: чего бы посмотреть?

Но «телек», отказываясь работать на нас и транслировал сплошную муть. Я выключила его и зевнула. Время еще далеко не позднее, поэтому, потянувшись к стеллажу, выбрала любимый роман Дюма и устроилась удобнее, чтобы почитать.

Надо сказать, что, будучи подростком, увлеклась французским классиком и за несколько лет проглотила почти все его романтические истории, начиная от «Трех мушкетеров» и заканчивая «Марией Стюарт». Порядка двадцати томов, красовались в моей личной библиотеке. Книжки в новых и потрепанных обложках стояли тесным рядком и занимали собой три полки не очень широкого книжного стеллажа. Я покупала их в букинисте и на рынке, в книжных магазинах и уличных лавках, заказывала через интернет и даже несколько книг выпросила у друзей взамен на что-то другое. «Графиня де Монсоро» в нарядной обложке появилась среди моей коллекции на день рождения в прошлом году. Это моя подруга Натка постаралась. Зная, что у меня есть эта книжка, но в весьма плачевном состоянии, сделала лучший из возможных подарков.

Конечно, я уже не в первый раз погружалась с головой в любимую историю. Но читать старые, чуть желтоватые, кое-где перепачканные страницы не так приятно, как новые, еще пахнущие типографской краской белоснежные листы с черными птицами букв, уносящими на своих крыльях в незабываемый мир приключений и романтики.

Именно эту книгу я и взяла сегодня в руки. И тут же мир Дюма увлек меня за собой, заставляя сопереживать любимым героям и время от времени примерять их жизнь на себя. Интересно, какой бы я была барышней, будь у меня прислуга, наряды, деньги и богатый покровитель или муж, желательно не старый и хоть немного симпатичный.

Личная жизнь у меня пока не ладилась, да я и не особо к ней стремилась. Муж – это стирка, уборка, готовка, дети с вечно шмыгающими носами и мокрыми штанишками. Нет, пока мне хотелось после работы спокойствия и уединения. Может быть, я слишком пуританского воспитания, но легкие интрижки меня не устраивали, а на что-то серьезное, просто не хватало времени и желания. Пресловутая «любовь» – еще не посещала мою душу, и я её не торопила. Знала, что всему есть свое время. И у меня все еще впереди.

Перевалило за полночь, когда Рокфор ткнулся носом в мою ладонь, тем самым напоминая о том, что пора бы и на бочок. Я с трудом оторвалась от приключений и встретилась взглядом с его бусинками глаз, неотрывно следящими за мной.

– Все, Роки, идем спать! – с неохотой отложила книгу и потянулась, разминая немного затекшее тело, встала с кресла. Роки переместился с моих колен на подлокотник и громко чихнул. Из его рта – вылетело легкое белое облачко и, увеличиваясь на глазах в размерах, вытянулось в высоту, почти на мой полный рост. Я остолбенела, рассматривая это непонятное для меня явление.

Прозрачная пленка чуть колебалась, на ней как на экране телевизора мелькали какие-то очертания, неясные силуэты. Обошла пленку вокруг, легонько дотронулась пальцем, в него тут же будто вонзилось несколько игл. Резко отдернула руку, испытывая неприятное чувство схожее с тем, когда получаешь удар от слабого заряда тока или при статике от соприкосновения шуб.

– Роки, что это ты сотворил? – изумилась я, оглядываясь на не менее ошарашенного от происходящего четверолапого друга. Он стоял чуть поодаль уже на ковре, привставая на задние лапки и настороженно водя носом, не осмеливаясь приближаться к неизвестно чему.

Через мгновение, показавшееся вечностью, пленка отобразила темную мостовую, покрытую брусчаткой, какие-то старые дома, вернее, не старые, а древние. Сейчас уже давно так не строят. Запахи чужой жизни ворвались в комнату с прохладным ветром. Вихрь закружил вокруг, и непроизвольно отступая от него, я вдруг оказалась по другую сторону пленки. Незаметно для себя, прошла сквозь прозрачное полотно и оказалась в чужом мире. Теперь моя комната, словно картина, замерла на экране, а мы с бедняжкой Рокфором (который шмыгнул следом за мной), оказались выброшенными на ночную улицу неведомого города.

Кошмар только начинался. Мы не могли пройти назад, как ни старались, пленка не пускала, кусалась током и не поддавалась на уговоры, а потом истончилась и пропала. Я чуть не разревелась от горя и безысходности. Огляделась – вокруг ни души. Еще бы! Время далеко за полночь, должно быть все нормальные граждане крепко спят, и только я шумлю посреди пустынной улицы. Звезды молчаливо созерцают мою беду, и тусклые фонари чуть раскачиваются от ветра, равнодушные к беспризорникам в наших с Роки лицах.

Что делать? Куда идти? Не ночевать же на улице? Я ущипнула себя, надеясь проснуться. Но только вскрикнула от боли, понимая, что мой сон слишком близок к реальности. Роки напугался моего возгласа и бросился бежать, мне ничего не оставалось, как припустить следом за ним. Чужой город мог навсегда забрать моего любимца. Этого я не могла допустить.

Видимо, от шока, только через время заметила, что бегу босиком. Холодная, шершавая, в выбоинах мостовая неприятно холодила не защищенные обувью ноги.

– Куда же делись домашние шлепанцы? – спросила себя вслух, но тут обнаружила, что и любимый халат странно выглядит. Вместо него на мне каким-то образом оказалась длинная по самые пятки цветастая юбка, с высоким поясом, утягивающим и без того тонкую талию и белая рубаша с вышивкой на груди и пышных рукавах. Волосы спустились по плечам. Они у меня довольно длинные и в обычной жизни я либо собираю высокий хвост, либо заплетаю косу. Не люблю в офис ходить с распущенными волосами, да и в транспорте неудобно, вечно за что-нибудь цепляются. Тут же – они развевались по ветру, свободно болтались за спиной.

Вывернув из подворотни, я увидела своего крысеныша на мостовой под копытами летящего на него скакуна.

Зажмурившись от страха, с криком кинулась к любимцу, не соображая в тот момент ни о чем. Только одно желание руководило мной – спасти Рокфора.

– *Le diable! Le fou!* /Черт! Сумасшедший!/ – услышала я, донесшуюся до меня непонятную тираду, похоже, французского произношения.

Затем, разгневано дыша, кто-то подошел и дотронулся до моего лица, развернув его к свету, исходящему от сиротливо-болтающегося на ветру фонаря. Я же ни жива, ни мертва – замерла, стоя на коленях, крепко прижимая к себе звереныша, который все время норовил бежать. Все еще зажмурившись и потихоньку обретая чувства, уже понимала, что самое страшное осталось позади.

– *La belle, je ne vous ai pas fait mal?* / Красавица, вам не больно?/ – спросил приятный голос. Я осмелилась открыть глаза и увидела перед собой мужчину, хорошо экипированного, явно богатого вельможу, судя по его дорогой одежде, расшитым золотом плащу и перчатках, красивой шляпе с пером. Вороной, лоснящийся в свете луны жеребец, перебирая копытами, стоял рядом со своим хозяином.

– *Non, monsieur.* /Нет, господин./ – удивляясь себе, я ответила робко на французском, хотя никогда бы не подумала, что могу так связно на нем говорить. Учила только в школе, и было это достаточно давно. Мужчина помог мне подняться и теперь с явным интересом разглядывал меня.

– *Pardonnez, le monsieur. Je me déréche.* / Простите, сударь. Я тороплюсь/ – скороговоркой пропела я первое, что пришло на ум от страха (неизвестно ведь, что нужно от меня этому

красавцу, а догадываться не хотелось) и, присев в реверансе, со всей прыти кинулась наутек как можно скорее, спряталась в тени дома. Сердце билось в груди, отдаваясь ударами в голове.

– Où vous? /Где вы?!/ – разочаровано пронеслось мне вслед. Через время незнакомец промчался мимо, не заметив меня. Выйдя из временного укрытия, смотрела ему вслед, не замечая липких слез.

Невозможно поверить, что общалась с незнакомцем на чистом французском, и не только понимала его речь, но и что-то еще говорила сама, причем почти осмысленно. Крыс вырвался и прыгнул под ноги, спрятался под перевернутую телегу, я наклонилась за ним, но, наверное, не достаточно низко и преобильно ударила головой.

В глазах потемнело...

Глава 3

Будильник прозвенел, как всегда, некстати. С трудом разлепила непослушные веки. Теперь понятно, почему мне все время было холодно. И как это я свалилась с постели?

С детства за собой такого не замечаю. Выползла из-под кровати, на ощупь нашла шлепки и, не открывая глаз, протопала в ванную. Потягиваясь, зевая и ругая себя за нерасторопность, включила кран с холодной водой, умылась – пробуждаясь.

О! Лучше бы я спала! Встретившись с отражением в зеркале – ужаснулась. И это я?

На меня растерянно пялилась из зазеркалья сонная «красотка» с копной взъерошенных черных волос и огромным красно-синим шишаком посреди лба.

И как в таком виде идти на работу? Вот ведь угораздило! Может, взять больничный? Диагноз: шишка на лбу! Ха-ха! Веселое утро – начало удачного дня! Да, смешно, когда другие попадают в похожие ситуации, но когда сам – беда, да и только!

Замазать мое неуместное украшение, как оказалось, нечем. Тональным кремом я ни разу в жизни не пользовалась, а пудра тут мало помогала.

«В таком виде за порог, я не пойду!», – решила для себя и открыла записную книжку с телефонами сотрудников. Набрала номер Марии Сергеевны, услышала в трубке её бодрый жизнерадостный голос:

– Аллэ! Кто это? Говорите!

– Мария Сергеевна, это я, Шнуркова Катя, – ответила, набравшись смелости.

– Катюша?! Что-то случилось?

– Да. Я сегодня не приду, что-то заболела, в горле першит и температура... Мне бы отлежаться дома денечка два. Можно отгулом оформить, а я потом отработаю. Сейчас ведь ничего срочного нет... – на другом конце провода молчали, видимо обдумывая ответ.

– Значит... заболела? Врача вызвала? – вот тут я пожалела, что позвонила своей начальнице. И как только могла забыть об её всепоглощающей материнской заботе? Особенно по отношению к больным «детям», таким как я, прозябающим без отеческой заботы.

В Москве уже пять лет живу в бабушкиной квартире, доставшейся мне по наследству, а родители – в Омске. Далековато, конечно, и видимся не часто. В основном на Новый год и в отпуск. Они у меня хорошие, я поначалу по ним скучала и ревела ночами, а потом привыкла к одинокой жизни.

Двухкомнатную квартиру делю со своим крысом уже год. Он единственный, кто понимает меня без слов и длительных объяснений.

– Нет, не вызывала. Температура не очень высокая, отлежаться только надо...

– А раз невысокая – дуй на работу, я тебе лекарства привезу и если что с машиной домой отправлю. Сегодня же в офисе праздник. Ты что забыла? А кто программу будет вести? Хотя бы передашь кому-нибудь, чтобы по бумажке прочитали.

– Да, хорошо, – вздохнула я, – только опоздаю немного.

– Ладно, я тебя прикрою. Давай, приезжай. Жду!

Вот про праздник у меня, действительно, совсем из головы вылетело. Сегодня день рождения компании, в которой я работаю всего второй год.

Это ведь на меня повесили ведение праздничной программы. Пригласили, как водится, дилеров и друзей нашей организации. И кроме того, еще и поп-звезда заехать обещала, если, конечно, не откажется в последний момент, улизнув, как это водится, на гастроли.

Подводить коллег в такой день очень не хотелось. Пятнадцать лет на рынке – это хоть не круглая, но все-таки достойная дата. Придется ехать.

Время неумолимо скакало вперед, я заметалась. Натягивая на ходу джинсы, вдруг поняла, что это не совсем то, что нужно для праздника. Заглянула в шкаф и, как всегда, отметила, что надеть мне абсолютно нечего.

Полезла за деньгами. Лишних, конечно же, не имелось. Но зарплата ожидалась на днях. И, возможно, шеф расщедрится и после праздника еще даст хоть немножко премиальных...

Что можно купить на две тысячи рублей? Вечернее платье? Вряд ли...

Но на блузку или юбку должно хватить. На что-то одно, а как быть с другим? Хорошенько порывшись в шкафу, нашла темно-синюю (едва не черную) блестящую юбку длиной почти до пола, прямую с высоким разрезом вдоль правой ноги. Прикинула к себе – очень даже ничего. Ну что же, осталось дело за малым – купить подходящую нарядную блузу и вперед. Да, а шпашак? – сморщилась я отражению, снимая юбку и ловко утробовывая её в сумку. Материал не мялся, и приводить её утюгом в приличный вид не придется – это радовало. С остальным же нужно было срочно что-то делать.

Кое-как впопыхах причесала спутанные волосы, заплела косу. Соорудив из шейного платка какое-то подобие головного убора, мне удалось все-таки спрятать под него синяк.

Подкрасила глаза, и уже выскакивая за порог, подумала о том, что с утра не видела своего крысеньша.

Правда, и раньше бывало, что он спал, свернувшись клубком то за холодильником, то за батареей. Иногда мой друг забирался ко мне под кровать в самый дальний угол. Это притом, что у него имелось свое обустроенное жилище – большая коробка из-под телевизора, в которой находилось все, что крысиной душе угодно: уютная мягкая постелька и груды натасканных им вещей для украшения личного пространства.

Сетуя на то, что сегодня даже не пришлось попрощаться с малышом, я решила, что обязательно принесу ему с собой что-нибудь вкусненькое с банкета и тем самым заглажу свою вину. Еда и вода у него оставлены с вечера, до меня – зверик не пропадет, а потом все будет.

Очень удивилась, встретив у подъезда Бориса, нашего несменяемого водителя.

– Катя, привет! За тобой Маруся (это мы так Марию Сергеевну промеж себя в офисе называем) прислала. Поехали! – пригласил он к старенькому синему ауди – офисной рабочей лошадке.

– Поехали! – обрадовалась я, – Только давай еще в одно местечко по пути заедем, хорошо?

– Куда?

– Тут недалеко, потом тебе скажу, где остановиться.

– Договорились.

Борис немногословный парень, не любит трепаться без нужды, я его за это уважаю. Тоже не коренной москвич и семейный – жена и кроха сынишка. Прокорми-ка их в наше время, да еще на съемной квартире. Не сладко ему, вот и не до разговоров.

– Притормози! – скомандовала я напротив торгового центра и быстренько выскочила, понеслась, в спешке перебирая взглядом витрины. Остановилась напротив одной из многих, зацепилась взглядом за блузку из темно-синего бархата, с глубоким вырезом и удлиненными рукавами. Мне казалось, что она должна подойти к юбке, и я не ошиблась в своем выборе.

Зеркало в примерочной ошеломило моим видом. Блузка пришлась в пору, и плотно облегающая фигуру, подчеркивала высокую грудь и тонкую талию, плавно переходила в чуть более темный цвет, почти сливаясь в тон с юбкой. Словно это был один костюм, а не порознь приобретенные вещи.

Довольная собой, расплатившись за покупку, я выпорхнула из магазина и поспешила к машине. Борис застыл с открытым ртом, созерцая меня в новом наряде. И не сразу сообразил, что я уже внутри и пора бы ехать.

– Потрясающе выглядишь! – отметил он через некоторое время, когда мы уже выруливали к офису.

– Спасибо.

– Вот только платок не в тему смотрится. Сняла бы, – посоветовал водитель, не зная о моей проблеме.

– Может, и сниму, но не сейчас, – возразила я, выпрыгивая на мостовую (мы уже подъехали к зданию и остановились напротив входа), быстренько поднялась по ступенькам, шмыгнула в приемную.

То, что в офисе я редко бывала в юбке, наверное, мое упущение, поскольку ребята и девочки пялились на меня во все глаза, словно на кинозвезду. Понимаю теперь как им, бедняжкам, нелегко – каждый день под сотнями взглядов прятать личную жизнь.

Марья Сергеевна приняла меня с распростертыми объятьями:

– Ну, наконец-то! Как ты? – и тут же её рука потянулась к моему лбу, видимо замерить температуру.

– Ай! – вскрикнула я (шишак болел) и тем самым выдала себя с головой.

– Ну-ка, ну-ка, что там у тебя? – от Маруси так просто не отделаешься, если за что зацепится – то намертво.

Скрываться уже было бессмысленно, и я стянула платок, открывая её взору яркий, наверное, светящийся в ночи (надо бы проверить) фонарь. Благо, что в коридоре кроме нас – никого – все сотрудники, готовились к празднику, и каждому нашлось занятие.

– Да, дела... так вот чем ты заболела с утра! И зачем было обманывать? – возмутилась она.

– Стыдно было. Я же не ребенок.

– А почему только на два дня? Тут неделя нужна, не меньше! – назидательно высказала Марья Сергеевна. Потом видимо сжалась надо мной и добавила, – Ладно, Катюша, сейчас попробуем закрасить твой синяк. Откуда он взялся?

– Да, за крысом под кровать полезла... – в этот миг в мозгу, словно вспышкой нарисовалась странная иллюстрация – ночь, перевернутая телега, Рокфор, – я встряхнула головой и снова оказалась в офисе.

– Больно? – взволнованно спросила Марья Сергеевна, закрашивая шишак тональным кремом. Тот момент, когда она усадила меня в кресло и достала косметичку, выпал из моей памяти.

– Немного, – поморщилась я.

– Вот взгляни, – протянула она зеркало. – Почти незаметно, если еще на лицо нанести... Знаю, что не пользуешься, но для дела – один раз – можно.

– Ладно, делайте, что хотите... – обреченно согласилась я и сдалась без боя в руки начальницы.

Надо признать, ей удалось сделать чудо. Синяк был незаметен, если не смотреть с боку. Но и эту проблему решили – распустили мне волосы и теперь они прикрывали собой шишку, делая её незаметной для посторонних глаз. Волосы у меня вьются от природы, а в мокром виде, вообще – кольцами закручиваются. Поэтому вместо щипцов для завивки, мы, используя обычный пульверизатор для цветов, привели меня в праздничный вид.

К двум часам – приехали гости, и начался праздник. Вначале выступал шеф, потом его зам, потом шли поздравления и подарки от гостей, ну а дальше – я и концерт.

Как я и ожидала, звезда отказала перед самым выступлением, заменила себя неизвестной, но довольно талантливой особой. Девушка пела всё: от новомодных хитов, до русских народных песен. Угодила всем. Еще бы! За такой гонорар и я бы стала петь, даже не имея голоса.

Потом – застолье, банкет и разговоры по душам, да о жизни. Анька под села поближе ко мне, будучи уже далеко подшофе, прошептала:

– А шеф-то от тебя без ума. Тсс! От такой красотки, грит, я бы не отказался. Сама (ик) слышала. Вот так-то...

– Да ну тебя, Анька! Он мог про любую так сказать, вон хотя бы про ту девчонку, что весь вечер по сцене прыгает. Или про тебя. Ты у нас тоже очень даже ничего, – попыталась я отвязаться от неприятного разговора с подвыпившей секретаршей.

– Вот именно – НИЧЕГО! Я к нему уже целый год подбираюсь, и ничего... Вот ты скажи, чего им надо, мужикам? Вроде все при мне, а не замечают...

– Так, может, у него кто-нибудь есть... – пожала я плечами.

– Никого у него нет! Я поняла, он же того... Точно! Не той ори. ри...ен...тации, – едва выговорила она.

– Угу... ни той и не этой. Набралась ты подруга и несешь всякую чушь! – попыталась я все же отвязаться от Аньки. Встала, чтобы отыскать Марию Сергеевну и попрощаться. Мне уже пора было домой. Вечеринка плавно превращалась в пьянку, и все меньше хотелось наблюдать за нравственным падением коллег.

Разыскивая начальницу, не заметила, как шеф оказался возле меня:

– Катя, можно вас пригласить на танец? – Виктор Алексеевич вопрошающе смотрел трезвым взглядом. Но после слов секретарши очень не хотелось еще и сплетен с её стороны, поэтому я вежливо отклонила его предложение, сетуя на головную боль и на то, что мне уже пора домой.

Возможно, он еще напросился бы в провожатые, вот тогда, не знаю, что пришлось бы придумывать. Но в этот момент к Виктору Алексеевичу подошел один из его друзей и повис на нем, что-то зашептал на ухо заплетающимся языком. Воспользовавшись моментом, я сбежала, отыскала Марусю и, откланявшись, выпорхнула на улицу.

Москва встретила яркими огнями и шумом летящих по «Ленинградке»¹ машин. Поежившись от вечерней прохлады, потопала к метро. Через полчаса оказалась в домашней тишине.

– Роки, я дома, – позвала крысенка, но не услышала ответного шуршания и топота его шустрых лапок. Обычно он встречал меня, когда оставался на целый день в одиночестве – скучал. Я забеспокоилась и, не переодеваясь, принялась искать Рокфора, заглянула по всем углам – его нигде не было.

– Малыш, где же ты? Я принесла тебе вкусенькое. Роки!

Меня заполнила тревога и неясные воспоминания – улица, крысеныш, перевернутая повозка...

Роки, неужели ты остался один, там...

Стоп. Минуточку. Там – это где?

¹ Ленинградский проспект (в просторечии – Ленинградка) – одна из транспортных магистралей в Москве.

Глава 4

После вечеринки ноги ели держали, набегалась за день на каблуках. Теперь мои труженики, словно налитые свинцом, стали неподъемно-тяжелыми и немного гудели.

Есть очень хотелось. Для меня фуршетное застолье – это небольшой перекус. Дома все равно надо что-то съесть, чтобы утолить чувство голода. В голове шумело от выпитого шампанского и мысли немного двоились. Исчезновение Рокфора меня пугало. Какие-то туманные видения выплывали передо мной из помутившегося спиртным сознанием.

Но так как в панику я не собиралась вдаваться, а на сытый желудок – лучше думается (по крайней мере, у меня), то полезла в холодильник в надежде отыскать там что-либо съестное.

Вчерашний ужин, все еще дожидаясь своей участи и, недолго думая, я поставила кастрюльку на плиту. Попутно достала ломоть черного хлеба и чеснок. Люблю с детства: посолить хлеб и обильно натереть корочку чесноком. Вкуснейшее блюдо! Жаль только, что после него не выйдешь на улицу, поскольку запах изо рта убьет не только всевозможных микробов, но и освободит от общения с окружающими.

В детстве, правда, это обстоятельство не пугало, а вот сейчас...

Но я дома и никуда сегодня идти уже не собиралась, разве что искать Роки, а он этого запаха не боится, и даже сам с удовольствием грызет чесночные зубчики.

«Может, на запах съестного выберется?», – теплилась во мне призрачная надежда на чудо.

Ну, куда же он делся в самом-то деле?

Поела без аппетита и настроения, то и дело, засыпая над тарелкой. Не помню, как оказалась в спальне. Усталость брала надо мной верх. Я потянулась и сладко зевнула перед тем, как устроится на любимой подушке, подаренной еще бабушкой. Она собирала её для меня сама – то ли из гусяного, то ли из утиного пуха. Когда-то, у нее на даче (в Подмосковье) обитала пернатая живность. И вот теперь эта подушка дарила мне сладкие сны и воспоминания о бабушке. Я не заметила тот момент, как в комнате появилось прозрачное полотно, но память тут же подсказала, что это уже было в моей жизни, причем, совсем недавно. Похоже, оно выплыло на этот раз из меня. Странное чувство сопричастности к неведомому волшебству взяло в озноб. Кутаясь в одеяло, чтобы немного согреться и тем самым унять нервную дрожь, разглядывала в раздумьях это видение. Без Роки не хотелось снова оказаться на старых пустынных улицах. Но, когда пенка потеряла прозрачность, открывая дверь в иной мир, протяжный писк привлек мое внимание. Крыс звал к себе, находясь по другую сторону полотна. Я все вспомнила! Вплоть до удара головой о телегу. Так вот откуда у меня шишка на лбу!

Малыш, привставая на задние лапки, водил подвижным носиком. То, что это был Рокфор, я знала наверняка. У него имелась отметинка – небольшое белое пятнышко на голове. Сам он серо-синего цвета, словно дымка от костра. Сейчас его шерстка сияла в свете белой луны. И теперь крыс походил на мифическое существо.

Я присела на корточки и, зазывая его в квартиру, манила рукой:

– Роки! Роки, малыш! Иди сюда, милый! Скорей!

Не знаю, сколько времени мы просидели так друг напротив друга, не решаясь переступить через видимый барьер. Вдруг пленка начала исчезать и мне ничего не оставалось, как броситься на выручку малышу и снова оказаться в чужом мире.

– Роки! – воскликнула я, подбирая крысеныша с мостовой. Он обиженно слегка куснул меня за мизинец.

– Прости дружок! Ты, наверное, голоден? – опомнилась я, рыская по карманам халата. И почему вместо того, чтобы упрашивать крыса вернуться домой, не сбегала на кухню за сыром, хлебом, семечками...

Как всегда, хорошие мысли посетили мою голову уже после того, как я сделала очередную глупость.

– Эх, Роки, у нас ведь даже нет денег, чтобы купить себе пищу, уж про кров и говорить нечего. И почему ты не пошел ко мне? А? Испугался?

Я потрепала его за ушком и дала несколько семечек, обнаруженных на дне кармана. С ними крыс тут же лихо расправился и снова уставился на меня бусинками глаз, как бы спрашивая: «А еще есть?»

– Нет, дружок, больше нету, – вздохнула, осматриваясь.

Мы были на той же улице, куда попали и в первый раз. Те же идущие вереницей, вплотную приставленные друг к другу фасады серых домов, та же мостовая и желтый фонарь. Пролук, в котором лежала перевернутая телега, должен был находиться по близости, и мы с Роки пошли на его поиски. Как и в прошлый раз, одежда на мне преобразилась. Халат превратился в белую рубашку, расшитую узорами, и длинную цветастую юбку, а одеяло (хорошо, что мне удалось прихватить его с собой) стало теплым дорожным плащом мышиного цвета. Теперь мне было значительно теплее, чем в прошлый раз. Шлепанцы снова исчезли, и мои ступни обжигало холодом ночной брусчатки. Забравшись под телегу, (хвала богам!) она оставалась на том же месте, мы с крысом через некоторое время устроились на ночлег. Подложив под себя несколько досок и немного соломы, которая местами была разбросана вокруг, мы закутались в плащ и провалились в тревожный сон. Я боялась даже предположить, что может ожидать нас утром, но все-таки очень хотелось надеяться на лучшее.

Глава 5

Уже три дня мы с Рокфором, как беспризорники, блуждаем по улицам моих детских грез. Знала бы раньше, как они выглядят в реальности, никогда бы и не подумала мечтать об этом счастье. Почему-то всегда казалось, что Франция средних веков полна романтики и любви. Да, наверное, так и есть для барышень знатного сословия и богатых вельмож, вхожих даже во дворец, и принимаемых в покои королевской семьи. Что им до бед простого люда?!

Это я себя жалею, наверное. И как не жалеть! В чужой стране, непривычном времени и кроме всего прочего еще и в облике простолюдинки. Но почему я не знатная барышня? Уж у них-то, наверное, на обед не черствый кусок сыра и мутного вида луковая похлебка с серым сухим хлебом.

А я и этому рада! Когда голод одолевает и мысли только о том, чтобы поесть, то лучшей трапезы и не отыскать.

– Ешь, Роки! Ешь, малыш! – потчевала я четверолапого дружка. – Когда еще поесть придется – неизвестно.

Те несколько монет, что я случайно раздобыла, хватило на немного: еду и неказистые башмаки, которые были намного больше моего размера, но зато они давали хоть какое-то тепло озябшим ступням. Старьевщик косился на меня с нескрываемым любопытством, когда я примеряла обутки. А что делать? Хочешь жить – вертись, как волчок. В другой раз нам может и не повезти так, как сегодня.

Выбравшись из под телеги в первое утро, я не успела оглядеться, как услышала о себе много нового от какой-то бабушки в грязном чепце и сером, словно пыльном платье, укутанной сверху крест – накрест поношенной шалью. Она верещала, на чем свет стоит, правда, я мало что поняла из её речи. Брызгая слюной и призывая внимание окружающих, бабка тыкала пальцем в мою сторону. Мы с Роки поспешили уйти восвояси, насколько смогли незаметно. Толпа зевак уже и так собралась изрядная. Пришлось сбегать под неприятный свист и улюлюканье, как будто я воровка или совершила что-то непристойное. Ко всему прочему только этого мне не хватало!

Плотнее укутавшись в плащ и спрятавшись в глубокий капюшон, я не торопясь шла по запруженным людьми улицам. Здесь было слишком многолюдно, не знала, что в то время народ чаще толпился в городе без дела. Либо в поиске легкой подработки, слонялся, разнося городские сплетни.

О чем тут только не велись разговоры! Еще бы владеть языком в совершенстве, чтобы понимать тонкости юмора или колкость некоторых шуток.

Я почти не отличалась от обычной горожанки. Вот только вместо коричневой, серой или черной домотканой юбки (какие встречались на женщинах и юных девицах тут и там) на мне почему-то была яркая, в выбитых узорах из цветов, плотной ткани.

Чепец, фартук и обувь – отсутствовали, а вот теплый серый плащ – согрел и прятал меня от любопытных взглядов. Крыс сидел у меня на руках, спрятанный в длинные рукава (руки я прятала одну в рукав другой) – дремал, укаченный неспешной ходьбой и согрел своим горячим тельцем. Немного мерзли ступни, но брусчатка утром уже согрелась сотнями ног и поэтому холод я почти не чувствовала.

Где-то к полудню, поняла, что очень голодна.

– Что же делать, Роки? Что?

И тут, словно ответ на мой вопрос, я увидела почти напротив себя Антикварную лавку. Можно было что-нибудь заложить и тем самым получить хоть немного денег. Вот только что?

– Сережки! Точно! – схватила себя за уши и чуть не вскрикнула от радости. Они были на месте! Это еще бабушкин подарок мне на шестнадцатилетие. Золотые серьги с изумрудом должны прилично стоять в любом мире.

Каково же было мое удивление, когда толстяк за стойкой, усмехаясь в пышные усы, проглотив меня серыми злыми глазками, почти уплывшими в толстые щеки, швырнул мне, как подачку, серебряную монетку и два медяка.

– Эй! Эти серьги стоят гораздо дороже! – возмутилась я.

– Неужели? – хрипло ответил он. – Катись-ка отсюда, пока я добрый! Или в Бастилию хочется?

Проглотив комок обиды, я собрала в кулак монеты и опрометью бросилась на выход. Куда-куда, а в Бастилию мне уж точно не хотелось бы попасть.

– Ничего, – уговаривала себя, – Может, хватит на ночлег и кусок хлеба. А потом я придумаю, как жить дальше. Обязательно!

Легко сказать, сложнее сделать. В трех трактирах на постой меня не пустили и только в четвертом хмурый хозяин дал добро. Высокий и тощий, как палка, с длинным носом и кустистыми бровями, из-под которых – строгий взгляд черных глаз не предвещал ничего хорошего, – он рассматривал меня с неподдельным интересом, словно картину в музее. Я хотела было уйти, и уже привычно повернулась в сторону двери, как услышала басовитый голос за спиной:

– Сколько платишь?

– А сколько стоит ночь? – ответила вопросом на вопрос.

– Смотря кому... – пожал он плечами, – С тебя возьму недорого, один серебряник.

– Это за комнату?

– За место и ужин, если после ночи уйдешь. А захочешь завтрак – будет дороже.

– Я уйду.

– Идем! – кивнул он и повел за собой через зал, заполненный посетителями. Я предусмотрительно натянула глубже капюшон и старалась не отставать ни на шаг.

Под деревянной покосившейся лестницей была невысокая дверь, нагнувшись, прошла за хозяином и оказалась в довольно уютном месте. Лампа тускло освещала серые бревенчатые стены, вдоль одной из них висели на выгнутых гвоздях веревки, скрученные в несколько раз и перевязанные вокруг себя. Под ними стояли мешки, по виду с чем-то круглым, об этом говорили выпирающие бугры, а по запаху я поняла, что это лук.

– Спать будешь тут, – кивнул хозяин на тюк с соломой. – Ужин занести или в зал выйдешь?

– Выйду, – ответила, хотя очень и не хотелось этого делать, вспоминания пьяные физиономии посетителей трактира, но платить больше сейчас мне было не по карману.

Словно угадав мои мысли, хозяин изрек:

– Не бойся, мне лишнего не надо. Я вижу ты не из этих мест, но допрашивать не стану. Жди, я пришлю с ужином.

– Спасибо, – сказала я ему вслед, но кажется, он услышал, чуть задержался у двери, а потом резко вышел в шум и гул вечернего трактира.

Свет от лампы расплзался по стенам, словно большой сытый паук. Конечно, это местечко не походило на королевские покои и мало напоминало фешенебельный отель. Но теперь имелась крыша над головой и это спасало нас с зверенышем от ненастья и холода.

Подобрав юбку под себя, я присела на мешок и откинулась на стену, ощутила спиной её шершавость, сняла капюшон и развязала плащ. Роки спал, безмятежно. Мне бы так!

Что же ждет нас дальше? Почему именно в таком виде я попала в этот странный мир? И как попала?

Может быть, во всем виновата та необычная старушка на рынке и её чеснок?

А что? Вполне может быть. Если я не совсем еще сошла с ума, то есть вероятность того, что...

Я не успела додумать. В дверь предупредительно постучали.

– Войдите, – подала голос, и тут же вошел небольшого роста коренастый паренек лет четырнадцати. У него на голове торчал забавный белый колпак, как в старых фильмах у повара. Спереди – белый фартук, доходивший ему почти до колен. Он поставил передо мной поднос с дымящейся в глиняной тарелке похлебкой. И собрался было уже уйти, как я остановила его вопросом:

– Скажите, а у вас есть чеснок?

– Конечно! Принести?

– Да. Буду признательна, – улыбнулась я пареньку, и он быстренько скрылся за дверью.

– А что Роки? Вдруг у тебя снова получится? Только ешь хорошенечко! – напутствовала я, проснувшегося друга, который принюхивался к ароматной похлебке.

Через мгновение снова раздался стук и вот у меня драгоценный зубчик чеснока.

«Только бы получилось!», – помолилась я мысленно всем богам и принялась натирать хрустящую корочку хлеба чесноком.

Похлебка на вкус оказалась не такой уж и вкусной, но на голодный желудок не приходилось выбирать. Проглотив несколько ложек жидкого супа, щедро сдобренного луком, в котором плавало всего два крупных куса не то картофеля, не то еще какого-то овоща, я съела натертый хлеб и заставила Роки сгрызть остатки чеснока.

Теперь оставалось только ждать.

Боже! Как мне хотелось домой! Подальше от этих диких, не испорченных цивилизацией мест, где воздух и экология были еще чистыми. Мне бы радоваться такой возможности – побывать в прошлом...

Ну, уж нет! С меня довольно – побывала, холод и голод – испытала, унижения тоже досталось – теперь забыться сном и оказаться дома!

В Москве!

Снова постучали. На этот раз появился хозяин. Выстрелил из-под бровей оценивающим взглядом.

– Плати! – как приговор слетело с его губ.

– Да, конечно, – ответила я и достала из лифа серебряную монетку.

– Завтра чтоб ноги твоей здесь не было, – хмуро рявкнул он, и добавил, сплюнув под ноги, – Putain!

Глава 6

Хозяин вышел, громко хлопнув дверью. Я растерянно соображала, пытаюсь осознать только что брошенное им с пренебрежением слово.

– Кто?! – до меня, наконец, дошел смысл сказанного, только возмущаться теперь было поздно. Стенам все равно, кто я. Но вот людям...

И та старушка поутру тоже сильно ругалась, видимо, у нее были на то причины. Но почему? За что? Неужели мой внешний вид – это вид женщины легкого поведения? И тут я увидела возможную причину свалившихся на мою голову бед.

Стрекозу.

В детстве отец часто называл меня непоседой-стрекозой. И очень переживал о том, как же я буду учиться с такой неусидчивостью. Но вопреки его опасениям, школу я закончила хорошо. Не с медалью, конечно, но без троек, что его очень радовало и давало повод похвалиться дочкиными успехами перед родственниками и друзьями.

В прошлом году, на восьмое марта, получив премиальные к празднику, я решила побаловать себя и заглянула в ювелирный магазин. Давно хотела купить подвеску. Золотая цепочка у меня имелась, но я её почти не носила. Плетение там обычное, без вычурности, да и длина около шестидесяти сантиметров, без подвески цепь совсем не смотрелась на моей тонкой шее.

Нагнувшись над витриной, почти мгновенно выловила взглядом из обилия узоров, цветов, мишек, слоников и еще всякой всячины – её, зеленоглазую стрекозу. Решение купить именно эту вещицу на тот момент не вызывало никаких сомнений. Изящная безделица, оказалась прекрасным дополнением к цепочке. Примеряя украшение дома возле зеркала, я с восхищением заметила, что даже цвет глаз у нас одинаковый – зеленый. Стрекоза утонула в ложбинке на моей груди, удлинняя своим весом цепочку, вытянула её в соблазнительный треугольник. После первой примерки, я снимала цепочку только, когда принимала душ и то не всегда. Стрекоза всегда была со мной и, казалось, что в минуты внутреннего напряжения (на работе, когда полный завал и нужно успеть с отчетами к сроку) она успокаивает своим присутствием.

Вынимая монетку, я невольно вытасила украшение наружу. Возможно, именно оно послужила тому, что хозяин таверны так высказался в мой адрес. Может быть, у них тут есть бордель с вывеской: «Золотая стрекоза»? Как знать? Проверять наличие этого места не было никакого желания.

– Во всяком случае, не стоит показывать тебя всем подряд, – разговаривала я с зеленоглазой подругой, укладываясь спать. Тюк, плотно набитый соломой, оказался совсем не таким мягким, как представляла раньше. Любовь в стоге сена больше не грезилась мне чем-то романтическим, скорее – колючим и неудобным. Возможно, я и ошибалась, но проверять на собственном опыте мне теперь уж точно не захочется.

Раньше, засыпая на новом месте, стоило сказать: «Приснись жених невесте!» И тогда обязательно увидишь своего суженного, как уверяет молва. Мне, правда, так ни разу и не повезло его увидеть.

В этот раз я ничего не говорила, но, тем не менее, всю ночь общалась с молодым человеком, которого мы с Роки встретили в своё первое посещение средневековья. Мой приятный сон прервался хрустящим звуком, словно кто-то разрывал лист бумаги на тонкие полоски. Так иногда делала секретарша шефа, якобы успокаивая нервы.

Приоткрыв глаза, увидела, как мой верный друг с восторгом хрупал крупную луковицу, зажмурившись от удовольствия.

– Роки! Что ты наделал?!

Я подлетела к крысу и обнаружила несколько надкусанных им луковиц, разбросанных возле мешка. Видимо, он выискивал самую вкусную из них.

– Кошмар! – воскликнула от ужаса сложившейся ситуации, подхватила Роки на руки вместе с облюбованной им луковицей, и быстренько накинув плащ, проскользнула в дверь. Мне повезло, в таверне было тихо и безлюдно.

Бесшумно пробравшись к выходу, тенью прошмыгнула в дверь и побежала со всех ног подальше, не разбирая дороги. Рассвет пока только подкрадывался, окрашивая город в серый цвет. Легкой дымкой утреннего тумана, словно пушистыми лапами, он шагал вдоль просыпающихся улиц.

Я бежала, не разбирая дороги, пока передо мной, словно из земли, не выросла церковь. Никогда не считала себя набожным человеком. Тут же замерла и уставилась на изящное строение, окутанное несколькими слоями арок, своды которых словно кружево возвышались друг над другом. Над ними – высокие острые шпили, уходящие, будто в небо (туман прятал их концы в себе). Стены, богато украшенные скульптурами, керамикой и живописью, приковывали к себе взгляд. Я шла вдоль них, рассматривая и восхищаясь – никогда не видела в своей жизни ничего подобного. Интересно, остался ли этот храм в моем времени? Если вернусь, то обязательно постараюсь попасть на улицы современного Парижа.

Из-за угла церкви выглянул человек в черной рясе. От неожиданности я вздрогнула и чуть не выронила крыса. Он вцепился в рукав рубахи цепкими лапками, и только это его спасло от падения мне под ноги. Человек в рясе поманил к себе.

Оглянувшись, в надежде, что этот жест предназначался кому-нибудь другому, увидела, что кроме меня на улице никого нет. Сердце тоскливо сжалось и, переступая страх, я пошла к этому странному слуге Господня. Тот нервно поглядывал по сторонам и жестом поторапливал меня. Как только я оказалась рядом, поймал за руку и, склонившись, шепотом спросил:

– Дитя мое, вы умеете петь?

– Что?

– Ну-ка, пропойте: ля-ля-ля! – приказал он тоном, не терпящим возражений. Пришлось повторить за ним незамысловатую мелодию.

– Отлично! А теперь на пол-тона выше! Еще выше!

В школе я одно время (по настоянию мамы) занималась вокалом и даже несколько лет ходила в хор, поэтому сейчас мне не составило большого труда выполнить эту странную просьбу.

– Идемте! – скомандовал он и, схватив крепко за руку, потащил за собой с такой скоростью, будто бы мы убегали от невидимой погони.

Из-за высокой двери храма появился еще один мужчина в рясе и круглой черной шапочке на голове. Он был старше моего спутника и, по-видимому, являлся важной персоной, поскольку тот согнулся перед ним в почтительном приветствии и скороговоркой выпалил:

– Отец мой, я нашел замену Сели. Эта девушка очень хорошо поет.

Окинув взглядом с головы до ног, от которого мне стало слишком неудобно, что хотелось сжаться до размеров Роки и улизнуть куда-нибудь подальше, тот кивнул и ответил:

– Хорошо. Разучи с ней слова. И пусть переоденется в более подобающий наряд.

Мой похититель, не давая опомниться, снова вцепился в меня мертвой хваткой и поволок внутрь церкви. Нас встретила тишина, и только шаги гулко отражались от чистого, выстланного цветной мозаикой пола.

– Куда вы меня тащите! Отпустите, мне больно! – пыталась я вырваться из крепких рук этого сумасшедшего, все еще не понимая сути происходящего.

– Тсс! Я не причиню вам вред, мне нужна помощь. Сегодня торжественная служба, а сестра Сели простудила горло и теперь не может петь, – поспешил он объясниться, но заметив мой ропот, добавил, – О, конечно, понимаю вас. Не беспокойтесь, я заплачу вам за старание. Петь немного, всего два куплета.

Священнослужитель протянул мне серый лист с набросанным от руки заковыристым почерком витиеватыми буквами текст, когда мы оказались в тесной комнате. В ней кроме стола и приставленной к белой стене деревянной кровати, над которой висел темный крест, небольшой тумбы, больше ничего не было. Узкое окно почти не пропускало солнечный свет в эту каморку, и поэтому здесь горели свечи, что стояли, как солдаты навтыжку в простых без вычурностей подсвечниках. Но светили они довольно тускло. Или мне так показалось с непривычки. Зрение еще не адаптировалось к обстановке.

Я, уткнувшись в текст, попыталась разобрать хоть словечко. Теперь понятно, что читаю на французском хуже, чем думала. Мой пленитель понял эту заминку по-своему:

– О, Господи! Вы не умеете читать?

Мне оставалось только согласно кивнуть, подтверждая его догадку. Побледнев и схватившись за голову, тот ретировался за дверь, оставив меня на время в одиночестве.

Не успела перевести дух и немного опомниться от случившегося, как дверь кельи снова открылась, и на пороге возник все тот же (уже знакомый мне) силуэт в рясе, а следом за ним вошла в сером одеянии девушка лет восемнадцати с чистым невинным личиком и сомкнутыми скорбно изогнутыми вниз тонкими губами.

Она смотрела на меня синими, как небо, глазами и, соглашаясь с приглушенным шепотом мужчины, время от времени кивала головой.

– Это Сели. Она научит вас петь, – с этими словами священник вышел, оставив нас наедине.

Сели прилежно принялась за обучения, повторяя за ней построчно фразы, я довольно быстро запомнила текст. Теперь оставалось уловить мелодию и правильно вытягивать нужную тональность.

С этим было сложнее поскольку шепотом девушка не могла мне точно подсказать, как петь. Приходилось наугад тянуть слова. И поначалу у меня не всегда получалось попасть в нужную ноту.

Значительно легче стало, когда Сели с помощью руки показала высоту тона. Когда же она мне искренне улыбнулась, прогоняя печаль с очаровательного личика, я поняла, что справилась.

Вернулся мой мучитель в рясе и, прослушав пение, поблагодарил Сели. Он тоже будто воспрянул духом, а широкая улыбка, оказывается, очень шла его серому лицу. Девушка выскользнула за дверь и исчезла, священник проводил меня в другую комнатку, которая мало чем отличалась от предыдущей. Разве лишь тем, что в ней находился еще и вытянутый вдоль стены тонкий шкаф.

– Отдохните, переоденьтесь. В шкафу найдете все необходимое. Я приду за вами к сроку. Затем он поспешно вышел, и тут я услышала скрежет замка. Меня заперли!

«Боже, но за что мне это все?» – пронеслась в голове обиженная мысль. Вздохнув, скинула плащ на кровать. Роки освободившись от моих объятий кинулся рыскать по клетушке, осваивая новое пространство. Я его крепко сжимала под плащом, чтобы он не убежал и не выдал себя во время занятий пением. Ведь неизвестно, как на моего друга могла среагировать набожная барышня – Сели. Лишнего крика и шума вокруг крыса очень не хотелось слышать.

– Вот так-то, Роки! Мы с тобой избежали тюрьмы и почти избежали сумы, а вот от плена отвертеться нам не удалось. Хоть бы уж не обманули и, правда, заплатили. Денежек у нас с тобой, словно кот заплакал... – вздохнула я и открыла шкаф. Как и предполагала, там оказалась ряса. Две, грубые на ощупь, белоснежные рубашки, словно отстиранные «Тайдом», как в навязчивой телерекламе, висели на крючках рядом с серой, такой же, как у Сели туникой.

Я скинула юбку и заменила свою мягкую рубашку грубоватым нижним платьем, дошедшим мне до щиколоток. Натянула колючие короткие чулки с завязками и мягкие кожаные туфли, которые пришлось почти в пору, теперь моим ногам было тепло и почти уютно. С туни-

кой и манто я тоже довольно легко справилась, хотя никогда в жизни бы не подумала, что так сложно вырядиться в монашеский наряд. С капюшоном пришлось повозиться, не знала, что он надевается отдельно от туники и прикрепляется к ней булавками.

Что же касается головного убора, то я никак не могла взять в толк, как его закрепить ОДНОЙ «иголкой», чтобы он не съезжал и к тому же еще прятал под себя мои волосы, которые все время выбивались наружу.

Не знаю, сколько бы еще продолжалась моя мышьяная возня, но терпение кончилось значительно раньше. Зашвырнув в сердцах в угол непослушную ткань, я вспомнила о том, что надо бы спрятать крысенка, пока есть время. Ведь меня могли забрать отсюда надолго, а если его заметят – беда.

Подхватила своего друга, увлекшегося жеванием бумаги, и, выдерживая его сопротивление и отчаянную попытку сбежать, привязала малыша при помощи носового платка к ножке кровати за лапку. Сверху бросила на него свой плащ.

Роки возмутился, взывая к моей совести, но уже через некоторое время притих.

Скрежет в замке известил о том, что за мной пришли...

Глава 7

В этот раз вместо моего пленителя, из-за приоткрытой двери показалась Сели и поманила за собой. Но, увидев меня, всплеснула руками и, пробормотав нечто невразумительно-неодобрительное, быстренько соорудила недостающую моей голове деталь монашеского наряда. И как ей только удалось так быстро справиться с тем, на что я потратила столько времени? Видимо, сказалась ежедневная практика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.